

ЧЕМУ БЫТЬ, ТОГО НЕ МИНОВАТЬ

Каким будет следующий политический кризис

Эпоха политической стабильности — это пауза между двумя кризисами. Так было всегда и всюду, и нет никаких причин думать, что Россия свой лимит кризисов исчерпала, что система, которую успешно стабилизирует Путин, — навсегда. Трудно сказать, что нас ждет в 2008 г. — назначение очередного преемника или изменение Конституции, но раньше или позже России предстоит и более серьезное испытание — кризис перехода от системы безальтернативных выборов верховной власти к системе выборов альтернативных и реальных.

Я не думаю, что он наступит скоро. Общество должно подготовиться, накопить недовольство, более того, должно, очевидно, пройти и через ощущение безнадежности, невозможности что-либо изменить. Но предполагать, что русские, в отличие от большинства народов мира, до скончания следующего века будут голосовать, как им укажет начальство, — значит предполагать их «генетическую» ущербность, принципиальную неспособность управлять собой. Думаю, что утверждать это не может даже крайний «русофоб».

Как были возможны разные формы ликвидации советской власти и она могла погибнуть раньше или позже (но само по себе ее падение было неизбежно), так существует громадный веер возможных форм и сроков неизбежного падения системы «монархического президентства». Рассуждение о них в большой мере гадательно. Тем не менее попробуем представить себе контуры будущего кризиса. И прежде всего — его масштабы.

На первый взгляд, они значительно меньше, чем, например, масштабы кризиса 1989—1993 гг. Ведь тот кризис был связан с ликвидацией тоталитарной идеологии. Сейчас же никакой идеологии у власти нет, и, соответственно, никто эту систему не станет защищать убежденно и страстно. Сопrotивление корыстное, конечно, может быть очень серьезным, но таким жестоким, как идейное, оно быть не может.

Переход к реальной выборности верховной власти не предполагает и тотального изменения форм собственности, принципов хозяйствования. Кто-то, конечно, разорится, кто-то обогатится, но это несопоставимо с теми потрясениями, которые принесли рыночные реформы и приватизация. Более того, для перехода к альтернативным выборам президента необязательно переделывать Конституцию (потом, естественно, она будет изменена), ведь теперешняя система безальтернативной верховной власти — система не конституционная, а неформальная, фактическая. Таким образом, масштаб предстоящих перемен вроде бы не так велик. Но на деле он намного значительнее, чем может показаться. В ходе русской истории мы уже два раза радикально меняли идеологию и общественное устройство. Два раза относительно небольшие группы людей захватывали власть, и большинство им подчинялось, отрекаясь от старой веры, старых привычек и принимая новые. Это мы умеем. Но верховную власть мы не выбирали ни разу. Для нас это — и новее и труднее, чем перемена веры. Ведь это — не смена идеологии, формы, а смена психологии, содержания, не переход от одного хозяина к другому, а начало жизни без хозяина вообще. И это — кризис не меньших масштабов, чем перестройка.

Как он может произойти? Возможны разные варианты, но ясно, что, в отличие от перестройки, это не может быть «революцией сверху». Не исключено, что на смену Путину придет либерал (смена «охранителей» либералами и наоборот — значительно более закономерное явление нашей истории, чем смена густоволосых властителей лысыми). Но как ни один человек не способен укунить свой затылок, так ни один либерал не может организовать сам себе поражение на выборах.

Если «революция сверху» исключается по определению, остаются три или четыре варианта. Самый легкий — сбой в механизме преемственности и раскол «партии власти». Даже если при этом два кандидата от правящей элиты будут различаться лишь маргинальными признаками, все равно это — переход к принципиально новой организации политической жизни. Такое чуть не произошло в 1999 г. и вполне может произойти под занавес путинского правления. Понятно, что режим учится на своих кризисах, и к 2008 г. президент и его окружение, скорее всего, подготовятся заранее, без ельцинских метаний и импровизаций. Но очень многое здесь будет зависеть от массы не поддающихся учету факторов.

Победа над президентом или назначенным преемником кандидата от оппозиционной партии, на мой взгляд, менее вероятна. В нашей системе, где власть — естественный центр политического спектра, и левые, и правые — всегда меньшинства, причем враждебные друг к другу больше, чем к власти. Ни коммунисты, ни правые никогда не смогут победить поодиночке и никогда не объединятся в «право-левую» коалицию, выдвигающую общего кандидата. Создание же какой-то принципиально новой оппозиционной партии в масштабах громадной страны, жители которой совершенно не привыкли к самоорганизации, также кажется задачей «сверхчеловеческой» сложности.

Может быть, правда, несколько иной и чуть более легкий вариант — появление бунтаря-харизматика, в какой-то мере преодолевающего различия правых и левых, — типа Лебеда в 1996 г. Сейчас это маловероятно — такую фигуру, скорее всего, уничтожат «в зародыше». Но в будущем, особенно при возникновении какой-либо очень тяжелой ситуации (например, сочетание резкого падения цен на нефть и газ с какими-то неблагоприятно развивающимися национальными или внешними конфликтами) появление неожиданного героя исключить нельзя.

Есть еще один вариант, который недавно казался совершенно невозможным, но сейчас приобретает черты реальности. Если политическая система все равно должна смениться, а сменить ее в рамках данного государства не получается, может измениться уже не система, а само государство. Это — пресловутый «распад России». Демократическая организация общества в масштабах региона у нас неизмеримо проще, чем в масштабах страны. Между тем органические, не бюрократически-силовые политические «скрепы», стягивающие российский социум, — предельно слабы. Единственная политическая партия, наличие которой как-то структурировало политическое пространство страны — КПРФ, ослабевает, и одновременно ослабевает, распадается единство этого пространства. При таком распаде возникают «конфедеративные» тенденции, когда страна начинает превращаться в конгломерат отдельных политических сообществ, каждое из которых «живет своей жизнью».

Центральная власть, что для нее совершенно естественно, сделала все, чтобы эту зарождающуюся тенденцию пресечь, заменив «горизонтальные» органические связи бюрократическими, «властной вертикалью». Однако результат этого «усиления федерации» вполне может оказаться противоположным тому, что планировался. При такой централизации власти все недовольство «низов» будет адресоваться центру, «который и сам не умеет наладить нормальную жизнь, и

другим не дает». При каком-то толчке жесткое и хрупкое единство может распасться уже навсегда. Конечно, есть национальное чувство, есть общая культура, но вряд ли эти скрепы будут усиливаться. Поэтому вполне возможно, что Путин на деле начал воплощать в жизнь фантастический, казалось бы, прогноз Бжезинского о расщеплении России на несколько республик. В таком случае вопрос о демократических выборах верховной власти решится простейшим образом: нет государства — нет проблемы.

Число теоретически возможных вариантов кризиса, как видим, невелико. И ни один из них в обозримой перспективе не кажется реальным. Но это может означать, во-первых, что просто нашего ума не хватает (как сказал Бродский, «каждому дано не по уму»), а во-вторых, любая система, чрезвычайно слабая в начале и в конце своего существования, кажется несокрушимой в период ее зрелости. Так, большевистская система могла запросто рухнуть и «не состояться» в 1917-м, но кто решился бы хоронить ее в 30—50-е гг.? И в 1991-м все могло пойти иначе, и мы не ломали бы голову над тем, что делать с системой, созданной Ельциным. А теперь эта система очень сильна. Но через какое-то время она станет «ветхой», для ее падения нужен будет минимальный толчок. И любой из логически допустимых вариантов перехода к новой системе, который представляется маловероятным или просто нереальным в период расцвета, станет реальным и легким в период неизбежно следующего за расцветом упадка.